

УДК 80
ББК 81

Павлова Н.И., кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русского языка ТвГТУ

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА И СУБЪЕКТА В КОНЦЕПЦИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПОСТСТРУКТУРАЛИСТОВ

Проблема взаимосвязи языка и субъекта, относящаяся к разряду фундаментальных, является одним из основных пунктов дискуссии в разных методологических системах социально-гуманитарного и философского знания и имеет подчеркнуто междисциплинарный характер.

В связи с появлением в последней трети XX века новых теоретико-методологических подходов к осмыслению личности данная проблема претерпела существенные изменения. Этому способствовало появление постструктуралистских концепций, получивших широкое распространение к концу прошлого столетия. Радикальный поворот в концептуализацию субъекта на этом фоне вносит феминистский дискурс, возникший в западной мысли к концу 1960-х гг. в форме так называемой феминистской критики и занявший отдельную нишу в развитии гуманитарного знания в конце прошлого столетия. Как замечает исследователь И.П. Ильин, феминизм как явление социального порядка и как фактор интеллектуальной жизни получил выражение сначала в лингвистике, а затем в литературоведении, влияя тем самым и на общественное мнение современной эпохи [1]. Последнее вряд ли можно считать преувеличением, поскольку именно в области данного теоретико-методологического направления, возникшего в США и Западной Европе, впервые была инициирована обширная практика реабилитации маргинального женского опыта в культуре. Это стало возможным благодаря изучению историко-литературных текстов, раскрывающему специфику самовыражения женского субъекта в слове. Как замечает в своей характеристике феминистской критики как теоретико-идеологического направления упомянутый выше исследователь, «проблема личности, столь важная для постструктурализма, особенно болезненно ощущалась феминистским сознанием, поскольку именно поиски специфики женского сознания, женского «Я», его аутентичности, определяемой в противопоставлении традиционному, «буржуазному» представлению о «мужском Я», якобы воплощенном в застывших и окостеневших культурных стереотипах и клише западной цивилизации, всегда были и по-прежнему остаются основной сверхзадачей феминистской критики» [1].

Не стремясь дать полную оценку вклада представительниц разных феминистских школ и направлений в развитие концепций субъекта, в рамках

данной статьи остановимся на общей характеристике взглядов на эту теоретическую проблему двух видных представительниц французского постструктурализма – Люс Иригаре и Элен Сиксу, занявших отдельную нишу не только в феминизме как идеологическом течении, но и в постструктурализме как философском и гуманитарном проекте в целом [7, с. 79–80].

В работах этих двух мыслительниц мы имеем дело не только или не столько с вербализованной философской теорией, сколько с нарративом в его процессуальности. Л. Иригаре принадлежит заслуга в разработке концепции языка и говорения в их обусловленности и предопределенности полом/гендером [6, с. 48–54]. Будучи ученицей Лакана, она опровергает универсальность его лингвистической концепции, демонстрируя различие существования мужчины и женщины в мире языка. Обращаясь к проблеме места женщины внутри мужского дискурса, Иригаре характеризует позицию женщины в языке как двойственную и обреченную на «не-существование» [6]. Основная причина тому, по Иригаре, как, впрочем, и другим сторонникам феминистской критики, заключается в исторической исключенности женщины из процесса производства и культуры. «Для этого ее говорения (речи) нет места в дискурсе господствующих, оно остается в промежуточных пространствах, где его без проблем можно исключать дальше. Говорение внутри порядка одинакового не предоставляет в распоряжение ни адекватных знаков, ни символов, ни грамматики, ни места, в котором могло бы происходить другое говорение» [6, с. 56].

Одной из знаковых и, что немаловажно, доступных для русскоязычного читателя в этой области можно считать итоговую работу Л. Иригарей в рамках лекционного курса, прочитанного ею в качестве приглашенного профессора философии в Роттердамском университете в 1982 году и обращенного к анализу *Вопроса (именно так у Иригарей, с заглавной буквы. – Н.П.)* полового различия, «над которым бьется наша эпоха», «той составляющей мироздания, плодотворность которой еще не использована» [2, с. 13]. На материале анализа философского дискурса (текстов Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, Гегеля, Мерло-Понти, Левинаса) автор исследования вскрывает извечный и повторяющийся в языке и культуре акт стирания половых различий, поглощения женской «инаковости» фаллологоцентристской (термин, введенный Ж. Деррида) дискурсивной практикой. Исходя из основного тезиса деконструктивистской философии о субъекте как продукте дискурса, субъекте, опутанном «сетью языка», Иригарей предпринимает радикальную попытку разоблачения нейтральности и универсальности философского, идеологического фундамента (независимо от области науки), «исторически мужского», как и сам язык в его отлучении женщины от процесса производства значения и познания истины. По сути, текст Иригарей представляет собой сложное сочетание, с одной стороны, философского построения, глубоко, всецело констатирующего основной тезис феминизма о неосуществленности

женщины в языковой и культурной практике, с другой – саму нарративную практику, реализующую провоз-глашенный самой Иригарей для женщины посыл прорыва к себе, своему телу, психофизике, погребенным в микрокосме мужского дискурса производства.

Автор текста, выстраивая собственную философскую систему, предпринимает попытку говорения с позиции женщины как Другого, находящегося одновременно «внутри» и «за» рамками господствующего дискурса, патриархатно организованного языка. Это своего рода акт деконструкции как основного инструмента анализа текста и осмысления субъекта, понятого в постструктурализме как потенциально не завершенного, фрагментарного, не фиксированного.

Иначе говоря, Иригарей своей речевой практикой артикулирует собственный тезис о необходимости женщины «обрести себя – среди других, продлевая те ее образы, что уже существуют в истории, и условия производства, созданные для мужского творения, т.е. не отталкиваясь от его произведения и его родословной» [2, с. 17]. Безусловно, разрыв с «родословной» в данном случае не подразумевает отсутствие связи и преемственности этого философского проекта Иригарей с концепциями ее учителей – М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакана. Но это лишь высвечивает ценность исследования французской феминистки в предпринятой в нем реализации трудно осуществимой, едва возможной, неуловимой практики самополагания, самопознания себя, своих очерченных половым различием границ «Я» в письме. Это акт саморефлексии, балансирующий между физикой и метафизикой, риторикой и онтологией, вызывающий к «перевороту в области мысли и в области этики» [2, с. 14] и необходимости создания *контр-истории*, возвращающей женщину самой себе. Весьма точными для оценки читательской рецепции работы Иригарей выглядят слова редактора, высказанные в предисловии к этому изданию, о том, что данная публикация – «осколок. Капля в море текстов, ничем нас не подготовивших к этой философии» [2, с. 7], это «случайность» и «необходимость» одновременно, поскольку представленные Иригарей размышления – это «одержимость собой», «попытка предоставить различие самому себе» [2, с. 7].

Пафос работ Иригаре, как и другой представительницы фран-цузского постструктурализма Э. Сиксу, выстраивается на связи и нераз-дельности понятий «тела» и «письма». Письму, практике создания текста отводится роль революционного действия, акта освобождения для жен-щины, восстанавливающего связь «...с ее женским существом» [8, с. 75].

Несмотря на кажущуюся уязвимость и даже утопичность рассуждений Э. Сиксу и Л. Иригарей о взаимозависимости анатомии женского тела и женского языка/говорения, чрезвычайно значимой оказывается артикулированная ими сама идея о связи письма и телесного опыта, которая широко обсуждается в современном философском дискурсе, в том числе и прикладных исследованиях в области литературы [4, 5, 7]. Действительно, французская феминистская теория заставляет в очередной раз задуматься над

проблемами топологии субъекта и языка. Кроме того, иначе позволяет рассматривать явление литературы и письма в связи с влиянием категории пол/гендер на категорию авторства.

Библиографический список

1. Ильин, И.П. Постмодернизм: от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа / И.П. Ильин // <http://www.owl.ru/library/004t.htm>.
2. Иригарей, Л. Этика полового различия / Л. Иригарей. М.: Художественный журнал, 2004. 182 с.
3. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 295–304.
4. Мачун, А. О телесности / А. Мачун // Новое литературное обозрение. 2004. № 69. С. 87–88.
5. Павлова, Н.И. «Возможно ли прочесть “женское письмо”?»: к проблеме гендерно ориентированной нарратологии / Н.И. Павлова // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 79–85.
6. Постл, Г. С Фрейдом и против Фрейда: Люс Иригарэ / Г. Постл // Культура: Немецкие и русские исследования; под общ. ред. Э. Шоре и К. Хайдер. М.: РГГУ, 2000. Вып. 2. С. 33–77.
7. Реут, Д.В. Телесность как актуальный биопсихологический конструкт европейской культуры / Д.В. Реут // Мир психологии. 2005. № 4.
8. Сиксу, Элен. Хохот Медузы / Элен Сиксу // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 73–89.